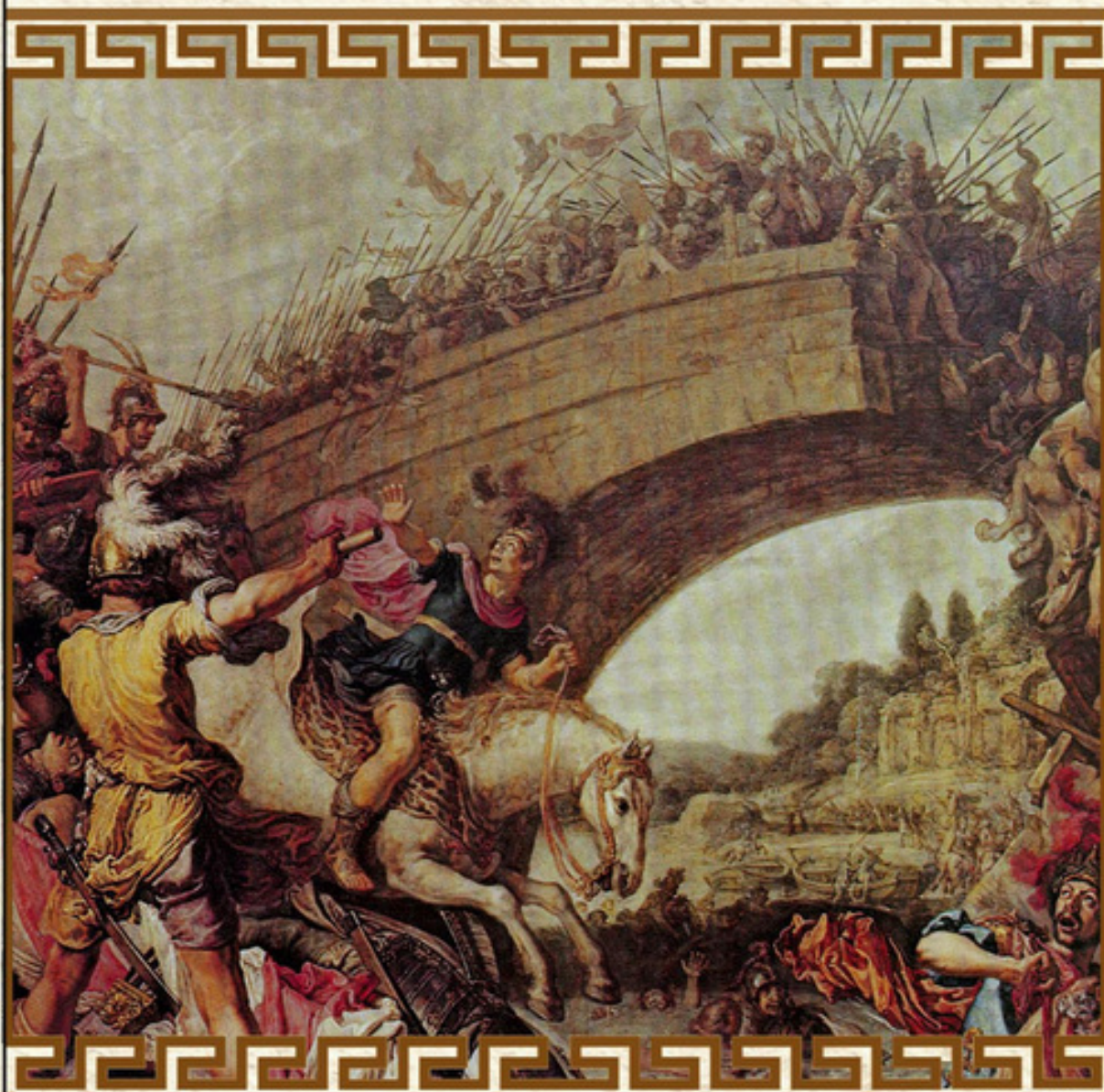

РИМСКИЕ ВОЙНЫ

ПОД ЗНАКОМ МАРСА

АЛЕКСАНДР МАХЛАЮК

Александр Махлаюк

Римские войны. Под знаком Марса

«Центрполиграф»

2010

Махлаюк А. В.

Римские войны. Под знаком Марса / А. В. Махлаюк —
«Центрполиграф», 2010

В книге подробно рассматриваются крупнейшие войны, в ходе которых Рим превратился в величайшую мировую державу Древнего мира. Большое внимание автор уделяет боевой структуре, тактике и вооружению легионов. Прослеживается роль армии в общественной и политической жизни римского государства республиканского и императорского времени. Рассказано о выдающихся полководцах и государственных деятелях – Сципионах, Гае Марии, Юлии Цезаре, Траяне, Адриане, Марке Аврелии и других.

© Махлаюк А. В., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Махлаюк
Римские войны. Под знаком Марса
Сыну Федору

Введение

Вооруженные конфликты с незапамятных времен, еще с каменного века, сопутствуют человечеству. С появлением металлического оружия и возникновением первых цивилизаций большие и малые войны стали во многом определять содержание и ход всемирной истории. В военных столкновениях и битвах нередко решалась судьба целых народов и государств. Чтобы выжить в жестоком противоборстве, получить доступ к торговым путям, месторождениям металлов, землям, чтобы отстоять свою независимость или утвердить свою власть, древние люди создавали армии, изобретали новые виды вооружения и приемы боя, совершенствовали искусство полководцев и выучку войск. Во многих древних обществах война считалась важнейшим и наиболее почетным занятием. Весь уклад жизни таких обществ, их государственный строй и хозяйственный уклад, нравственные идеалы и национальный характер определялись военными задачами. В этом отношении среди всех народов древности особо выделяются древние римляне.

С момента возникновения города Рима в середине VIII в. до н. э. и до крушения Римской империи в V в. н. э. римляне воевали практически непрерывно. Лишь на несколько лет за все эти долгие столетия в Риме, по древнему обычаю, в знак мира, добытого победами, записался храм одного из главных римских богов, двуликого Януса, божества концов и начал. В истории Рима достоверно известно всего лишь пять таких случаев, и только в одном из них храм простоял закрытым достаточно долго – при втором римском царе Нуме храм Януса не видели отворенным 43 года подряд.

Монета с изображением бога Януса

В результате бесчисленных войн римляне создали и в течение длительного времени успешно сохраняли самую обширную державу древнего мира. Ее владения простирались от Британии до Евфрата и Аравии, от Рейна и Дуная до североафриканского побережья и долины Нила. Ни одно государство древности не может соперничать с Римом обширностью и успешностью завоеваний. Никто, кроме римлян, не побеждал столь многочисленных и столь раз-

ных противников. Неодолимую мощь римского оружия испытали на себе соседние этруски и родственные римлянам италийские племена, коварные карфагеняне и неукротимые испанцы, прославленная македонская фаланга и дикие орды германцев, воинственные галлы и свободолюбивые даки, неистовые мятежники Иудеи и Британии. Своими победами римляне обязаны прежде всего той военной организации, которая создавалась и совершенствовалась в постоянных войнах. Она по праву считается лучшей из всех, какие существовали до изобретения огнестрельного оружия. Многие ее элементы служили образцом для подражания в последующие эпохи.

Но не только завоевательными походами, отражением вражеских нашествий и подавлением внутренних волнений прославилась римская армия. Не раз ввергалось римское государство в братоубийственные гражданские войны. И тогда армия превращалась в решающую политическую силу, которая диктовала свою волю правительству и полководцам, боровшимся за власть. Чрезвычайно важную роль играла армия и в относительно мирные времена, когда римские правители предпочитали удерживать уже завоеванные страны и не стремились к новым приобретениям. Во вновь присоединенных землях, еще не знакомых с античной цивилизацией, римские солдаты утверждали римский образ жизни, приобщали местных жителей к римским порядкам и латинскому языку. Руками солдат строились дороги, водопроводы, храмы и другие сооружения. На месте военных лагерей в приграничных провинциях нередко возникали города римского типа, становившиеся центрами распространения античной культуры.

Таким образом, в насыщенной военной истории Древнего Рима были самые разные страницы – величественные и трагические, славные и позорные. Они и составят содержание этой книги.

Глава I

Война и римский характер

Прежде чем вести речь о конкретных событиях и героях римской военной истории, важно понять, почему для древних римлян военное дело изначально стало главной сферой жизнедеятельности, каким образом войны повлияли на особенности их государственного и общественного строя, как отразились они на характере и мировоззрении римского народа?

Не секрет, что исторические судьбы любого народа в значительной степени определяются географическим положением и природой той страны, где он живет. Многое зависит также от того, с какими племенами и государствами он соседствует и общается. Римский народ сформировался на земле **Италии**. Так уже в древности называли страну, расположенную на Апеннинском полуострове, который глубоко вдается в Средиземное море в его центральной части и своими очертаниями напоминает длинный сапог на высоком каблуке. С севера Италию прикрывают Альпы – труднопроходимые горы с заснеженными вершинами. Сравнительно невысокие Апеннинские горы, давшие название полуострову, тянутся через всю Италию с севера на юг и включают в себе много долин и плоскогорий, соединенных довольно удобными проходами. Восточные берега Италии омываются Адриатическим морем, отделяющим ее от Балканского полуострова. «Носок» итальянского «сапога» упирается в остров Сицилию, от которого рукой подать до берегов Северной Африки, где еще до возникновения Рима основали свои города (в том числе и главный из них – Карфаген) выходцы из Финикии, **пуны**, как называли их римляне.

Карта «Италия в древности»

Мягкий климат, просторные пастбища на склонах гор и орошаемые реками равнины с плодородными почвами благоприятствовали земледелию и скотоводству. В отличие от Греции, Италия в древние времена вполне обеспечивала себя хлебом, и ее население долго оставалось преимущественно крестьянским. Именно многочисленное свободное крестьянство Рима и Италии давало римским войскам отличных воинов. У итальянских крестьян не было такой тяги к морю и такой готовности сняться с насиженных мест в поисках лучшей доли, какая была у греков, побуждаемых к мореплаванию и морским промыслам скудостью земель Эллады. Укорененные в родной почве, эти земледельцы готовы были сражаться за нее до последнего вздоха и охотно отправлялись в боевые походы, если они сулили приобретение новых земель, скота и рабов. Да и само побережье Италии с немногочисленными удобными бухтами и островами не способствовало развитию морского дела, как берега и острова, омываемые Эгейским морем, которые стали колыбелью греческой цивилизации.

Легкие на подъем греки в VIII – VI вв. до н. э. активно переселялись в Южную Италию и на Сицилию, основывая на их берегах свои города-колонии. Примерно в этот же период в западной части Апеннин складывается самобытная и высокоразвитая цивилизация **этрусков** – загадочного народа, который, вероятно, возник в результате смешения переселенцев из Малой Азии с древнейшим населением Италии и острова Сардинии. Как и итальянские греки, этруски были хорошими купцами и мореходами и составляли серьезную конкуренцию пунам, которые также пытались проникнуть на берега Италии и прилегающих островов. Этрусский народ был непосредственным соседом римлян и оказал большое влияние на их культуру.

Среди других народов, живших по соседству с Римом, надо выделить племена **галлов (или кельтов)**, которые в середине I тыс. до н. э. обосновались в северной части Италии, в долине полноводной реки Пада, переселившись сюда из района верхнего Дуная.

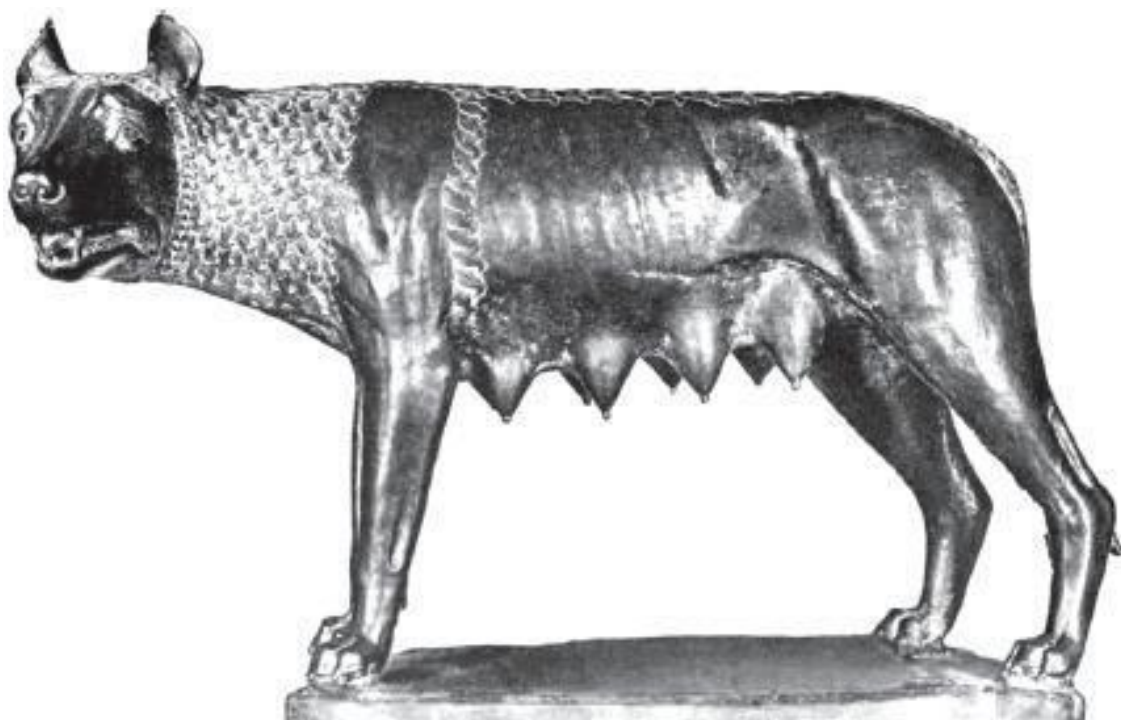
Этрусский воин и женщина

Однако основным населением Апеннинского полуострова с начала II тыс. до н. э. были индоевропейские племена **италиков**: сабиняне, самниты, оски, умбры и другие, прибывшие в Италию из придунайских областей. Одно из италийских племен – **латины**, осевшие в Лации, – имеет самое непосредственное отношение к происхождению римского народа. Латины дали и название языку, на котором говорили римляне, а после римского завоевания Италии стали говорить и все италийцы. К середине I тыс. до н. э. Италия в целом отличалась исключительной племенной пестротой. Населявшие ее племена и народности находились на разных уровнях развития. Такая ситуация неизбежно порождала конфликты и войны между ними.

Сердцевиной италийской земли были расположенные на западных берегах полуострова области Этрурия, Лаций и Кампания. Здесь были самые плодородные почвы Италии и текли полноводные реки, в том числе **Тибр**, отделявший область латинов от Этрурии. В его нижнем течении, приблизительно в 20 км от впадения в море, и возник Рим. Здесь еще в X-IX вв. до н. э. на холмах, возвышающихся над болотистыми низинами с нездоровым воздухом, появились поселения латинов и сабинян, слившиеся со временем в единый город. Традиционной датой основания Рима считается 753 г. до н. э.

Происхождение своего народа и города сами римляне связывали с троянским героем Энеем. Согласно преданиям, он с немногими спутниками вырвался из захваченной греками Трои и отправился за море на поиски новой отчизны. После долгих странствий троянцы прибыли в Лаций, где были радушно приняты местным царем Латинум, и слились с его поддан-

ными в единый народ, править которым, после смерти Латина, стал Эней, женившийся на его дочери. Потомки Энея царствовали в городе **Альба-Лонге**. Через много поколений альбанский царь Нумитор был коварно свергнут с престола своим младшим братом Амулием. Чтобы лишить Нумитора законных наследников, царь-узурпатор истребил его мужское потомство, а дочь сделал жрицей богини Весты (служительницы этой богини не имели права выходить замуж). Однако, как рассказывает предание, царевна стала женой самого бога войны Марса, и у нее родились близнецы – **Ромул и Рем**. Разгневанный Амулий приказал слуге бросить новорожденных младенцев в Тибр. Но они чудесным образом спаслись: волны прибили корзину с детьми к отмели, их накормила своим молоком волчица, а потом подобрал и взял на воспитание один из местных пастухов. Возмужавшие братья, выделявшиеся среди сверстников силой и красотой, стали предводителями шайки молодых пастухов. Они участвовали в многочисленных стычках из-за дележа пастбищ и угонов скота. В одной из таких стычек Рема схватили слуги Нумитора. Когда же стали расследовать дело, происхождение близнецов раскрылось. И они, объединившись с людьми своего деда, свергли преступного Амулия. Власть в Альбе была возвращена Нумитору, а братья со своей дружиной решили основать новый город в том самом месте, где их когда-то вскормила волчица. Но договориться о том, кому из них быть царем в новом городе, они не смогли. В вспыхнувшей ссоре Ромул убил Рема и стал первым царем города, дав ему свое имя (по-латински Рим звучит как Рома).

Капитолийская волчица

Исторические предания о происхождении Рима и правлении первых царей содержат немало сказочных эпизодов и фантастических деталей, многое приукрашивают, искажая реальную действительность. Вместе с тем, в этих легендах отразились воспоминания о достоверных исторических событиях. Современная наука, в частности, подтверждает датировку возникновения города, связь римских поселенцев с Альба-Лонгой, факт включения в состав римских жителей сабинян (согласно преданию, первопоселенцы Рима похитили сабинских девушек, чтобы сделать их своими женами). Установлено также, что шесть царей, к которым переходила власть после Ромула, были не легендарными лицами, но действительно правили Римом. Не подлежит никакому сомнению и сам факт многочисленных войн, которые римляне

вели со своими соседями на протяжении почти всего царского периода, продолжавшегося без малого 250 лет.

Первые победы римлян и возникновение ряда военных обычаев предание связывает с воинственным Ромулом. Ему, например, приписывается учреждение первого **триумфа** – высшей почести, оказываемой победоносному полководцу. В одной из войн Ромул одолел и сразил в поединке вражеского царя, разгромил войско неприятеля и взял его город. Затем, чтобы угодить богу Юпитеру, которому он перед боем пообещал посвятить доспехи побежденного врага, Ромул срубил у себя в лагере огромный дуб, обтесал его, приладил и повесил в строгом порядке все части оружия поверженного противника, а сам нарядно оделся и украсил распущенные волосы лавровым венком. Взяв на правое плечо украшенное доспехами дерево и поддерживая его в прямом положении, он запел победную песнь и двинулся впереди войска, в полном вооружении следовавшего за ним, а граждане встречали их, ликуя и восхищаясь. Это шествие и стало началом и образцом позднейших триумфов.

Победный трофей

Военные успехи Ромула были столь велики, что второй римский царь, благочестивый Нума Помпилий, смог процарствовать в мире более сорока лет и заняться строительством храмов, учреждением новых религиозных культов и жреческих коллегий («товариществ» жрецов), стремясь, как пишет древний историк, сделать римский народ из жестокого и воинственного кротким и справедливым. Усилия Нумы, надо сказать, не пропали даром: римляне впоследствии неизменно гордились своей справедливостью к побежденным противникам и почтительным отношением к богам. Но римляне, даже если бы и захотели, не могли сделаться миролюбивым народом – и не только потому, что основатель Рима был потомком Марса. Без воинского духа и постоянной готовности к борьбе римская община не смогла бы ни выжить, ни развиваться. И все следующие пять царей вели активные военные действия.

Дело в том, что с самого начала город на семи холмах приобрел огромное военное значение, потому что располагался на границе между Лацием, населенным латинами и другими италийскими племенами, и этрусскими городами-государствами, стоявшими на гораздо более высокой ступени развития. Именно продолжительные войны с этрусками в первые десятилетия существования Рима сильно повлияли на развитие в нем военизированного общества.

При первых царях римская община жила еще родоплеменным строем. Основой общества были сначала 100, а потом 300 родов. Старшие главы семей, «отцы», как их называли, представляли роды в сенате (совете старейшин), созданном еще Ромулом, и назывались сенаторами. Их потомки именовались **патриции**, т. е. «имеющие отцов». Члены родов первоначально были равны между собой и составляли собственно римский народ – коллектив граждан. Интересно, что латинское слово **populus**, «народ», происходит от глагола **populare**, что значит «опустошать». В древних молитвах этот народ именовался **pilumnus populus**, т. е. «вооруженный копьем народ». В честь Марса, который носил также имя **Квири**, римский народ принял название **квириты**. Это слово сначала тоже означало «воины», «копьеносцы», но со временем квиритами стали называть римских граждан, занятых выполнением своих мирных гражданских обязанностей в народном собрании, чьим покровителем как раз и считался Марс-Квири. Таким образом, понятия «народ» и «вооруженное ополчение граждан», по существу, совпадали. Занятие войной было важнейшей обязанностью и исключительным правом граждан. Неграждане, не принятые ни в какой род, не имели права носить оружие, а значит, не могли участвовать в решении общинных дел и пользоваться той землей, которая приобреталась «по праву копья», т. е. завоевывалась силой оружия.

Участниками народного собрания могли быть только мужчины-воины, которые объединялись в особые союзы, называвшиеся **куриями** (что, вероятно, и означает «союзы мужчин»). По куриям формировалось войско: каждая курия, включавшая в себя 10 родов, выставила 100 пехотинцев и 10 всадников. Всего было 30 курий. Собиравшееся по куриям народное собрание имело в общине высшую власть: выбирало царя, принимало или отвергало законы, могло даровать помилование осужденному на смерть. Деление на курии дополнялось объединением римских граждан в три **трибы**, «племена», которые восходят к латинам, сабинским и этруским переселенцам, слившимся в Риме в единую общину.

Верховное управление общиной принадлежало царю. В отличие от древневосточных царей, у римлян царь не считался богом, хотя и являлся главным жрецом города. Верховная власть царя называлась империем и включала полномочия главного военного вождя и судьи, а также право распоряжаться общинной казной. Особое положение царя подчеркивалось роскошным пурпурным одеянием и красными сапогами, а также тем, что его постоянно сопровождал отряд **ликторов** – вестников и телохранителей, носивших розги и топоры, чтобы по царскому приказу выпороть или казнить провинившегося гражданина. Еще одним знаком царской власти было особое кресло, отделанное слоновой костью. Оно называлось **курульным** и было, как и другие символы власти, заимствовано римлянами у этрусков. От царя зависело назначение сенаторов. Из их числа царь отбирал своих помощников для командования войском и разбора судебных дел. Царская власть, оставаясь выборной, по существу, была близка к власти племенного вождя. В одно и то же время она была и неограниченной и связанной законами. Всякое царское повеление должно было безусловно исполняться гражданами. Но если повеление противоречило обычаям и законам, оно не имело силы. Хранителем же обычаев и законов являлся сенат. Без его одобрения никакое решение, принятое народом по предложению царя, не считалось законным. Без согласия сената нельзя было ни объявить войну, ни заключить мир. Поэтому царь, перед тем как внести какое-нибудь предложение или принять важное решение, обязательно спрашивал мнение сенаторов. Звание сенатора было пожизненным и очень авторитетным. Его значение подчеркивалось особыми знаками отличия: красной обувью, золотым кольцом на пальце, тогой с пурпурной каймой и туникой¹ с красными продольными полосами.

¹ **Тоба** – верхняя национальная римская одежда, представлявшая собой большой кусок ткани, который особым образом надевали на тело. **Туника** – длинная рубаха, надевавшаяся под тогу.

Изображение ликторов

Постепенно вошло в обычай избирать сенаторов всегда из одной и той же семьи рода. Из таких наиболее влиятельных семей стала складываться родовая знать – патриции в противоположность зависимым людям из обедневших родов, так называемым **клиентам**, и простому народу, который называли **плебсом**, или **плебеями**. Судя по тому, что это название происходит от глагола **plere**, «наполнять», плебеи происходили из новых поселенцев, которые или добровольно прибывали в Рим, или насильственно переселялись из завоеванных латинских городов. В отличие от коренных жителей, плебеи не входили в состав родов, курий и триб, а значит, не могли занимать общественные должности и участвовать в народном собрании. Не входили они и в состав войска, которое формировалось по куриям. Бесправие плебеев долгое время сохранялось, несмотря на то, что среди них было немало достаточно зажиточных людей, способных приобретать полный набор вооружения. Однако в ходе длительных войн с этрусками возникла острая нужда в более многочисленной армии. Привлечь плебеев в его ряды можно было только через изменение политического строя и всей военной организации. Для этого требовалось провести глубокую реформу. Ее осуществление древние историки дружно приписывают царю-народолюбцу **Сервию Туллию**, правившему в 578-535 гг. до н. э.

Что же сделал этот мудрый правитель? Во-первых, он разделил всю римскую территорию на 21 округ – 4 городских и 17 сельских. Они назывались трибами, но, в отличие от трех древ-

них племенных триб, в них входили все свободные жители Рима, как патриции, так и плебеи, по месту своего проживания. По этим округам проводилась перепись населения. Во-вторых, Сервий разделил все мужское население Рима на пять разрядов, или **классов**, в зависимости от размеров имущества. Главы всех семей – и патрицианских, и плебейских – должны были раз в пять лет пройти процедуру оценки их имущественного состояния, которая называлась **ценз**. Они под присягой сообщали царю о том, каким имуществом владеют и какие получают доходы. В соответствии с уровнем достатка люди призывались в войско. Самые богатые граждане, составлявшие первый класс, служили в коннице и тяжелой пехоте, снабженной полным комплектом защитного и наступательного вооружения. Члены каждого следующего разряда, соответственно своему имущественному положению, должны были приобретать для военной службы более легкое вооружение – вплоть до того, что воины пятого класса вооружались только пращами и метательными камнями. Самые бедные слои населения оказались вне имущественных разрядов. Не имея другого достояния, они предъявляли для оценки-ценза только свое потомство и поэтому от латинского слова **proles**, «потомство», получили наименование **пролетарии**. Пролетарии были освобождены от военной службы и налогов.

Рельеф со сценой проведения ценза

Все войско делилось на **центурии**, т. е. отряды, состоявшие в идеале из ста человек (centum по-латыни «сто»). Каждый класс выставлял определенное количество центурий. Первый класс – 80 центурий тяжеловооруженных пехотинцев и 18 центурий всадников, второй, третий и четвертый – по 20 центурий пехотинцев с более легким оружием, а пятый класс – 30 центурий пеших воинов. Самыми малоимущими выставлялось еще 5 центурий вспомогательного характера, включавших ремесленников и трубачей. Разумеется, в центуриях первого класса было гораздо меньше ста воинов, а в центуриях младших классов – намного больше ста. Таким образом, теперь основную часть армии составляли плебеи. Самые богатые из них вошли даже в первый класс вместе с патрициями. Получив же доступ в войско, плебеи должны были приобрести и право голоса в решении общинных дел. В городе-государстве изначально действовал принцип: «Только тот гражданин, который защищает город, имеет право решать его судьбу!»

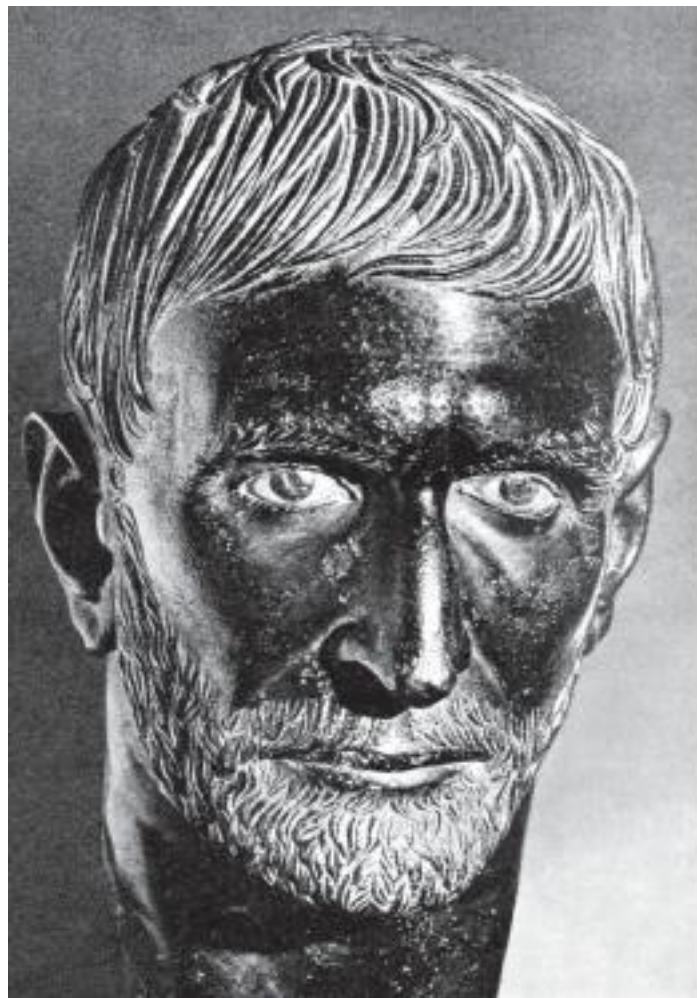
Чтобы обеспечить плебеям это право, Сервий Туллий ввел новый вид народного собрания – **центуриатное**, которое представляло собой, по сути, голосующее войско. Примечательно, что созывалось это собрание военной трубой и проводилось на **Марсовом поле**, которое издавна было у римлян местом военных упражнений и находилось за чертой города, так как по древнему обычаю вооруженное войско не могло находиться в стенах Рима. Каждая центурия имела в собрании один голос. Однако число центурий первого класса превышало число центурий остальных разрядов, вместе взятых, – 98 против 95. Понятно, что исход голосования всегда оказывался в пользу самых богатых людей, хотя и не обязательно знатных. Чаще всего центурии низших разрядов даже не успевали подать голос. Лишь в том случае, когда богатые не приходили к согласию между собой, голосовал средний класс. Такое положение дел может показаться несправедливым. Но римляне смотрели на это иначе. Они считали вполне правильным соизмерять ценность голоса с соответствующим участием в государственных расходах и военных предприятиях. Тот, кто нес большие расходы, приобретая боевого коня или полный доспех пехотинца, кто брал на себя большую ответственность, занимая командные должности или составляя главную ударную силу войска, – тот мог, по убеждению римлян, рассчитывать и на большие политические права.

После преобразований, проведенных царем Сервием, плебеи приобрели немалую силу в государстве. Центуриатное собрание практически вытеснило собрание по куриям. Теперь важнейшие вопросы – принятие законов, выборы должностных лиц и военных командиров – решались голосованием центурий. Центуриатная организация намного пережила своего создателя. В течение веков она оставалась основой и римской государственной власти, и римской армии. Новое общественное устройство серьезно ослабляло прежние родовые порядки, прежде всего тем, что богатство, а не принадлежность к роду, стало основой влияния в государстве. Сервий Туллий стремился увеличить не только численность и мощь римской армии, но и свою собственную власть. Этого он добился за счет ослабления позиций родовой знати. Но вместе с тем он сделал первый шаг к созданию единого гражданского коллектива.

До полного уравнивания в правах плебеев и патрициев было, однако, еще очень далеко. Сенаторское звание, жреческие обязанности, высшие должности в войске еще долго оставались в руках знатных патрициев. Борьба плебеев за равноправие стала главным содержанием нового периода в истории Рима – **эпохи Ранней республики**, который наступил после свержения в **509 г. до н. э.** последнего, седьмого по счету, римского царя.

Звали его **Тарквиний Гордый**. Он был этруском по происхождению, сыном предшественника Сервия Туллия, царя Тарквиния Древнего. Сервий выдал за него замуж свою дочь. Но жестокий и честолюбивый Тарквиний решил насильно завладеть престолом. Он привлек к заговору патрициев, недовольных реформами царя Сервия, предательски убил его и начал царствовать – без избрания народом и без утверждения сенатом. Однако его тираническое, незаконное правление привело к народному восстанию, которое возглавил царский племянник по имени Луций Юний Брут. Решением центуриатного собрания Тарквиний был лишен царской власти и изгнан из Рима. По призыву Брута римляне поклялись никогда больше не терпеть над собой царей. Так завершилась в Риме царская эпоха.

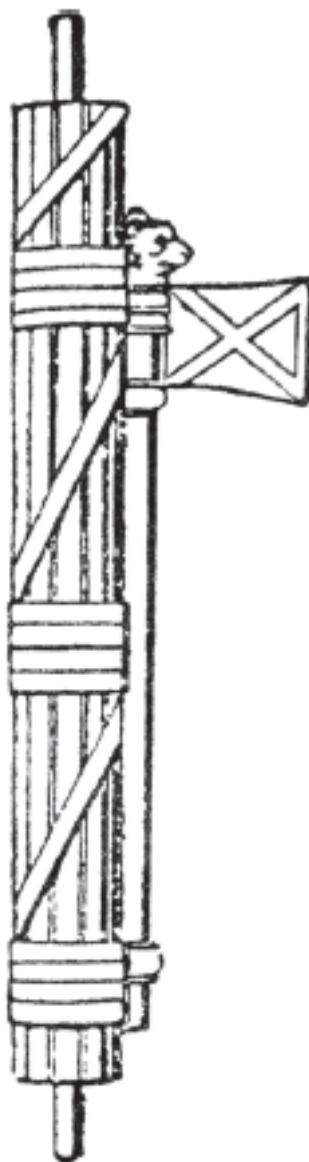
Это было еще «детство» римского народа. Впереди у римлян была героическая «юность», когда им предстояло закалиться и возмужать в суровых испытаниях. Но многие самобытные черты римского характера, особенности общественного и государственного строя сложились в эпоху царей, на протяжении которой Рим из маленького поселения на берегах Тибра превратился в сильнейший город Лация. После свержения царской власти в римском государстве было немало изменений и новшеств, но все они осуществлялись таким образом, что в своем непрерывном развитии Рим в значительной степени сохранял основные черты прежних государственных установлений и традиционных порядков. В этом нетрудно убедиться, внимательно посмотрев на устройство Римской республики.

Брут

В латинском языке слово **республика** означает «общее дело». С установлением республиканского образа правления во главе государства оказались патриции, которые были решающей силой в борьбе с Тарквинием Гордым. Теперь вместо царя из числа патрициев ежегодно в центуриатном собрании избирались два высших должностных лица (**магистрата**). Их называли **консулами** («советчиками», «товарищами»), так как они обладали одинаковой властью и, принимая решения, должны были советоваться друг с другом. Хотя само слово «царь» стало ненавистным и равносильным слову «деспот», консулы получили в руки такую же полноту и силу власти, какую имели цари. Эта власть по-прежнему называлась **империем** и включала в себя прежде всего высшее военное командование. Правда, консулы либо командовали половиной войска каждый, либо по очереди осуществляли общее командование всей армией. В военных делах консул-полководец был так же неограничен, как и царь. Велика была консульская власть и в дни мира. Они обладали полномочиями судей, имели право созывать заседание сената и народное собрание и председательствовали в них. Консулат считался самой важной и почетной должностью (**магистратурой**). Если один из консулов умирал, сразу же назначались выборы нового. Именами обоих консулов римляне обозначали год и так вели свое летоисчисление. Значительность консульской власти и ее преемственность с властью царей подчеркивались внешними знаками: курульным креслом, тогой, обшитой пурпуром, свитой из 12 ликторов, которые несли **фасции** – пучки прутьев с вонзенными в них топорами – символ карательной власти консулов. Правда, внутри городской стены ликторы убирали топоры и склоняли фасции перед народным собранием. Такой обычай показывает, что правом сечь

и казнить консулы могли пользоваться только за пределами города, где действовали военные законы. В самом же городе приговоренный к смерти гражданин мог потребовать суда народного собрания. Сходствуя с царской властью в отношении символов, твердости и полномочий, власть консулов была надежно ограничена от вырождения в произвол тремя условиями. Как мы видим, это была, во-первых, власть **коллегиальная**, т. е. совместная, а во-вторых, она длилась не пожизненно, но всего лишь год, по истечении которого консула можно было привлечь к суду за всякое допущенное им за время пребывания в должности злоупотребление. Наконец, каждый из консулов имел право отменить любое распоряжение другого.

Фасции

Правда, во время войны такое равноправие консулов могло оказаться неудобным и даже опасным, если между ними возникали разногласия. Поэтому для особо критических ситуаций была изобретена должность **диктатора** – магистрата с чрезвычайными полномочиями. Диктатор назначался одним из консулов по предложению сената для устранения наивысшей опасности для государства, но только на срок, не превышавший шести месяцев. В течение всего времени пребывания в должности он обладал неограниченными законодательными, судебными и исполнительными полномочиями. Все прочие магистраты подчинялись диктатору, и его при-

говор нельзя было обжаловать в народном собрании, в отличие от приговора, выносимого консулом. Первоначально должность диктатора имела почти исключительно военное значение. На это указывает и наименование самой должности («диктатор» – «тот, кто приказывает», «повелитель»), и название его помощника – «начальник конницы», а также 6-месячный срок диктатуры – это как раз то время, которое обычно занимала ежегодная военная кампания.

Так римляне, используя должности консулов и диктатора, сохранили сущность царской власти и смогли при этом эту власть эффективно ограничить.

Со временем в Риме появились и другие магистраты, к которым перешла часть консульских полномочий. Перепись граждан и оценка их имущества (ценз) были поручены **цензорам**, которые следили также за нравственностью граждан и составом сената. Руководство судами было возложено на **преторов**. Позже преторов (их избиралось шестеро) стали назначать полководцами и наместниками в завоеванных странах, так как преторы, подобно консулам, обладали империем, включавшим военную власть; только этот империй назывался **меньшим**.

Все перечисленные магистраты считались высшими. Избирались также низшие должностные лица: **квесторы**, которые заведовали финансовыми делами и при необходимости помогали консулам в командовании армией; эдилы, заботившиеся о благоустройстве города и порядке в торговых делах. Особая роль принадлежала **плебейским (народным) трибунам**. Сама эта должность (занимать ее могли только плебеи) была введена для защиты плебса от произвола патрицианских магистратов и сената. Главным правом трибунов было применение **«вето»**, т. е. запрета, который они могли наложить на любое решение или действие других должностных лиц, а также на сенатское постановление. Но эта запретительная власть плебейских трибунов не действовала за пределами города Рима, а стало быть, ее нельзя было применить в войске против приказа военачальника. В военных делах у римлян на первом месте всегда стояла дисциплина.

Любая государственная должность считалась в Риме честью, которую граждане оказывали кандидату, отдавая за него свои голоса на выборах. Все должности, и высшие, и низшие, назывались «почестями», и их исполнение никак не оплачивалось. Поэтому даже после того, как в IV в. до н. э. плебеи добились равноправия с патрициями и получили возможность избираться на высшие посты в государстве, выходцы из простого народа очень редко становились магистратами. Главные должности обычно занимали представители знати, в состав которой, наряду с патрициями, вошли теперь наиболее богатые и влиятельные плебеи.

В римском государстве постепенно сложился строго определенный порядок прохождения почетных должностей от низших к высшим. В частности, было установлено, что между двумя разными ступенями на «пути почестей», как называли римляне государственную карьеру, должно было пройти не менее двух лет, а чтобы повторно избраться на одну и ту же магистратскую должность – не меньше десяти. Высшую магистратуру нельзя было получить, «перепрыгнув» через низшие должности. Государственная служба начиналась с должности квестора, но выставить свою кандидатуру на выборах имел право только тот, кто участвовал не менее, чем в десяти военных походах. Избрание квестором открывало римскому гражданину доступ в сенат. Цензоры, которым было поручено пополнять сенат новыми членами, могли выбрать и тех граждан, которые на войне отличились личной храбростью. Те сенаторы, которые занимали в прошлом высшие должности, пользовались большим почетом: они носили окаймленную пурпуром тогу и башмаки красного цвета, а при обсуждении вопросов в сенате высказывали свое мнение вслух. Прочие сенаторы, носившие светлые тоги и черные башмаки, подавали свой голос молча. Звание сенатора было пожизненным, но цензор имел право исключить из сената того человека, который запятнал себя каким-нибудь недостойным поступком.

С установлением в Риме республики сенат фактически захватил в свои руки всю правительственную власть. С царской эпохи за сенатом сохранилось право давать советы должностным лицам, но теперь эти советы стали равносильны приказам. От сената зависело объявление

войны и заключение мирных договоров. Сенат предварительно обсуждал проекты новых законов и затем утверждал их после одобрения в народном собрании. Он объявлял набор войска, определял количество денег на ведение войны и другие нужды, ежегодно составлял инструкции для должностных лиц, устанавливая, кто из магистратов какими делами будет заниматься в самом Риме, на войне или в провинциях. Авторитет сената, состоявшего из наиболее способных, опытных и влиятельных государственных деятелей, перевешивал влияние всех других органов власти. Не случайно одному греку, побывавшему в качестве посла в Риме, сенат показался собранием царей.

Сенат, безусловно, являлся органом знати, но знати особого рода – должностной. Сенаторское звание доставалось не по праву рождения или богатства, а в сущности по выбору граждан, которые избирали магистратов. В условиях непрестанных войн и неразрывной связи высших магистратур с военным командованием подъем по лестнице государственных должностей определялся успехами и подвигами в военных походах. В глазах римских избирателей, большинство из которых сами были солдатами, военные заслуги кандидата на должность, несомненно, имели решающее значение. Такое положение сохранялось и в конце республиканского периода, судя по следующим словам, с которыми знаменитый римский оратор Цицерон обращался в речи к одному из своих противников:

«Неужели тебе кажется слабой помощью и поддержкой при выборах в консулы приязнь солдат, имеющая значение и сама по себе как следствие их многочисленности, так и ввиду их влияния на близких, – тем более, что при провозглашении консула голоса солдат оказывают огромное влияние на весь римский народ. Ведь во время консульских комиций² избирают полководцев, а не истолкователей снов. Поэтому большой вес имеют такие заявления: «Я был ранен, а он спас мне жизнь»; «Со мной он поделился добычей»; «Под его начальством мы взяли лагерь, вступили в бой»; «Он никогда не заставлял солдат переносить большие трудности, чем терпел сам»; «Он столь же храбр, сколь и удачлив».

В республиканском Риме знатным считалось то семейство, в котором имелись предки, занимавшие высшие магистратские должности и прославившиеся своими деяниями. Именно подвиги предков делали данный род «знатным», т. е. знаменитым. Славу для себя и своего семейства можно было заслужить прежде всего проявлением воинской доблести и военными победами. Стремясь к славе, многие римляне добровольно выходили на единоборство с врагом; немало было и таких, которые шли в бой на явную смерть ради спасения прочих воинов, или в мирное время ради безопасности отечества. По словам римского историка Саллюстия, эти подвиги «считали они богатством, добрым именем и великой знатностью». Военная слава открывала путь для должностной карьеры, успехи в которой делались источником еще большей славы. Сам политический строй Римской республики побуждал римских аристократов состязаться друг с другом доблестью и славой, чтобы снискать народное одобрение на выборах. Слава знаменитых предков имела не меньшее побудительное значение: потомки обязаны были не только сохранить ее, но и постараться превзойти. В римской истории есть немало примеров, показывающих, что ревнивое славолубие и честь рода непосредственно определяли поведение римлян на войне и в гражданской жизни.

Так, в IV в. до н. э. прославились своим героизмом и самоотверженностью отец и сын Деции. Отец, Публий Деций Мус, отличился еще во время первой войны с народом самнитов (343–340 гг. до н. э.), когда он, командуя небольшим отрядом, выручил попавшее в окружение консульское войско. Благодаря славе этого подвига, Деций Мус, плебей по происхождению, был первым из своего рода избран консулом. Возглавив вместе с другим консулом поход против латинов, Деций совершил свой главный подвиг. Как гласит легенда, во время этого похода обоим консулам приснился одинаковый сон: величественный муж объявил, что победа доста-

² Комициями (буквально «сходками») назывались в Риме народные собрания.

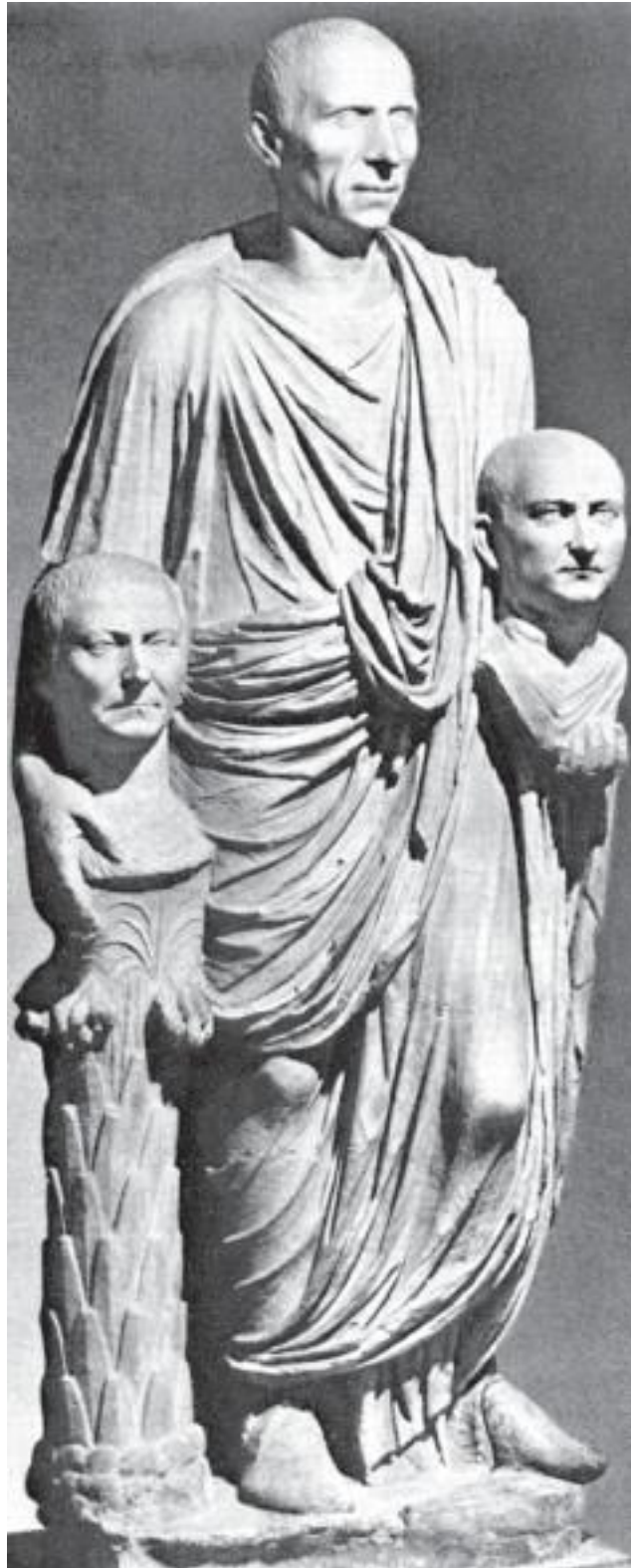
нется тому войску, чей полководец отдаст себя в жертву подземным богам. Консулы посчитали этот сон указанием на волю богов и решили пожертвовать собой ради победы. Чтобы во время боя добровольная смерть полководца не устрасила воинов, открыто объявили войску о божественном указании. После этого консулы условились между собой, что обречет себя в жертву тот из них, на чьем крыле римское войско начнет отступать. Когда на левом фланге, которым командовал Деций, враг стал теснить римлян, он совершил положенный ритуал, произнес заклинание, подсказанное жрецом, вскочил на коня и бросился в самую гущу врагов. *«И нельзя было не заметить, – пишет римский историк, – что, куда бы ни направил Деций своего коня, везде враги столбенели от ужаса, словно пораженные смертоносной кометой; когда же он пал под градом стрел, уже нескрываясь перетрусившие отряды латинов пустились наутек, и широкий прорыв открылся перед римлянами»*. Эта героическая жертва воодушевила римское воинство, и победа была на его стороне.

Сын Деция, которого тоже звали Публием, исполнял должность консула четыре раза и стал героем многих войн. В 295 г. до н. э. в одном из сражений римляне не выдержали страшного натиска неприятеля и побежали. Деций-сын пытался их сдержать, но безуспешно. Тогда он обратился с мольбой к своему погибшему отцу и, подобно ему, обрек себя на жертву, бросившись на копья врагов. Своей жертвенной гибелью он вселил храбрость в своих бойцов и заставил оцепенеть неприятелей. После боя тело героя едва отыскали под грудой погибших врагов. Так сын приумножил славу отца.

В дополнение к этому примеру можно привести текст надписи II в. до н. э. из гробницы рода Сципионов, давшего Риму многих выдающихся полководцев и государственных деятелей. Один из членов этого рода распорядился высечь на своем надгробии такие стихотворные строки:

Доблести предков своим я образом жизни дополнил, Род я продолжил, отцу в славных делах подражал, Предков славы достиг. Им радостно будет сознание, Что породили меня: честь – украшение семьи.

Огромное честолюбие и ревностное желание отличиться на военной и государственной службе воспитывались в римских аристократах многими обычаями. Победоносные полководцы удостоивались различных почестей: им назначали триумф, ставили статуи и почетные надписи; солдаты могли даровать успешному военачальнику особо почетное звание **императора, т. е.** повелителя, признавая тем самым его решающую роль в достижении победы. Но среди всех этих средств воспитания любви к славе древнегреческий историк Полибий (II в. до н. э.), пристально наблюдавший римские обычаи, особенно выделяет обряд торжественных похорон, которого удостоивались знатные римляне. Описание, сделанное Полибием, стоит привести целиком.

Римлянин с масками предков

«Когда умирает кто-нибудь из знатных римлян, прах его вместе со знаками отличия относят в погребальном шествии на площадь к так называемым рострам³. Здесь, перед лицом всего народа, стоящего кругом, всходит на ростры или взрослый сын, или же, если сына нет,

³ **Ростры** – ораторская трибуна, украшенная прибитыми к ней носами кораблей.

кто-либо другой из родственников и произносит речь о заслугах усопшего и о совершенных им при жизни подвигах. Благодаря этому в памяти народа живо встают деяния прошлого, и слушатели проникаются сочувствием к покойному до такой степени, что личная скорбь родственников обращается во всенародную печаль. Затем после погребения римляне выставляют изображение покойного, заключая его в небольшой деревянный шкафчик, помещенный в его доме на самом видном месте. Изображение представляет собой маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица умершего. Шкафчик открывают во время общенародных жертвоприношений, маски старательно украшаются цветами.

Если умирает какой-нибудь знатный родственник, маски эти выставляют в погребальном шествии, надевая их на людей, похожих на умерших ростом и телосложением. Люди одеваются в одежды с пурпурной каймой, если умерший был консулом или претором, в пурпурные – если цензором, наконец, в шитые золотом – если умерший был триумфатором⁴. Они едут на колесницах, а впереди них несут пучки прутьев, секиры и прочие знаки отличия в зависимости от должности, которую умерший занимал в государстве при жизни. Подойдя к рострам, все они садятся по порядку на кресла из слоновой кости. Трудно представить себе зрелище более внушительное для юноши честолюбивого и благородного. Неужели он может равнодушно взирать на это собрание своих предков, прославленных за доблесть и как бы оживших вновь? Оратор говорит не только о том покойнике, которого хоронят, но по окончании речи о нем он переходит к повествованию о подвигах всех присутствующих здесь предков, начиная от старейшего из них. Таким образом непрерывно обновляется память о заслугах доблестных мужей; имена благодетелей отечества становятся известными народу и передаются в потомство».

Из слов греческого историка видно, что превыше всех достоинств римляне ценили доблесть. И это была доблесть, проявленная прежде всего на войне. Именно с воинской доблестью римляне связывали величие и славу своего государства. По словам Цицерона, «воинская доблесть, бесспорно, превосходит все остальные, Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе, все городские дела, все наши прославленные занятия... находятся под опекой и защитой воинской доблести». Но само понятие «доблести» (virtus) имело у римлян более широкий смысл, чем у других народов. Оно означало не только необходимую для воина храбрость (virtus происходит от слова vir, «мужчина», и дословно переводится «мужество», «то, как полагается вести себя мужчине»). С древнейших времен словом «доблесть» римляне называли и добродетели вообще: стойкость, достоинство, верность, трудолюбие и другие качества, которые ценились и в мирной жизни. На это обратил внимание греческий историк Плутарх в рассказе об одном из прославленных героев Ранней республики: «Среди всех проявлений нравственного величия выше всего римляне ставили тогда воинские подвиги, о чем свидетельствует то, что понятия нравственного величия и храбрости выражаются у них одним и тем же словом». Таким образом, к воинским качествам восходит вся римская нравственность, ключевым понятием которой всегда была и оставалась доблесть. Как писал римский поэт Плавт во II в. до н. э.:

*Ведь доблесть всех лучше наград,
Ведь доблесть превыше всего, что есть;
Имущество, жизнь, и семью, и свободу,
И благо отчизны хранит и спасает.
Да, в доблести все, и высокого блага,
Кто доблестен, может достичь.*

⁴ Триумфатор – полководец, удостоенный за свои победы триумфа.

Другой источник римского характера и нравственности обнаруживается в крестьянском образе жизни. Со времен Ромула в римском народе сложилось убеждение, что никакое другое занятие так не способствует воинскому мужеству, как земледельческий труд. По преданию, еще Ромул запретил свободным гражданам заниматься доходными профессиями (т. е. торговлей, ростовщичеством и т.п.) и отдал предпочтение только земледелию и военному делу, указав, что каждое из этих занятий нуждается в другом, ибо земледельческий труд сохраняет воинскую доблесть, необходимую для защиты своего добра, но совершенно искореняет воинственность, служащую несправедливости и корысти. Таким воином-крестьянином был сам Ромул, легко менявший плуг на меч; и его потомки, закаленные мирным трудом, легко переносили, когда требовалось, нелегкую воинскую службу. Из земледельцев, считали римляне, выходят самые добропорядочные граждане и самые стойкие солдаты. В отличие от греков, римляне не только не увлекались гимнастикой и атлетическими состязаниями, но они полагали даже, что эти занятия явились причиной изнеженности и порабощения эллинов, так как греческие юноши, стремясь к победам на спортивных аренах, незаметно стали утрачивать навыки воина и воинской славе предпочитать славу искусного атлета. По мнению римлян, для будущего воина полезнее, если он, как и всякий крестьянский сын, научится управлять лошадьми и владеть охотничьим копьем, приобретет выносливость и крепость тела, неприхотливость и упорство, занимаясь тяжелым крестьянским трудом. Работа на земле отцов, а не стадион, по убеждению римлян, воспитывает привязанность к старинным обычаям, верность родине и уважение к старшим.

Алтарь из Остии с изображением легенды о Ромуле и Реме

Почтение, каким в Риме пользовался земледельческий труд, неудивительно, если иметь в виду, что в Ранней республике даже многие патриции вели простой образ жизни и оставались, по существу, крестьянами, которые владели небольшими участками земли и сами их обрабатывали, нисколько не стыдясь своей честной бедности. Напротив, древних героев Рима всегда прославляли за их бедность и трудолюбие. Идеал доблестного воина и скромного земледельца воплощал, например, Луций Квинкций Цинциннат. Происходя из знатного патрицианского рода, он был консулом в 460 г. до н. э. и дважды после этого назначался диктатором, но владел всего лишь четырьмя югерами (около 1 гектара) земли и жил в жалкой хижине. Рассказывают, что когда его в первый раз назначили диктатором, чтобы спасти Рим от угрозы со стороны сабинян, прибывшие посланники застали Цинцинната за обработкой земли – он то ли копал канаву, то ли пахал свое маленькое поле. Другой прославленный полководец, трижды консул

Маний Курий Дентат заслужил восхищение современников и потомков тем, что, расширив границы римских владений, он довольствовался крохотным земельным участком и сам обрабатывал его, как любой рядовой гражданин. А однажды к нему пришли посланцы разбитых им самнитов и предложили в подарок золото. Выслушав их, Дентат показал им на репу, которую сам варил себе на обед в горшке, и заявил, что пока он сыт таким обедом, ему не надо золота: он предпочитает иметь власть над имеющими золото. Говоря о доблестях и честности, часто вместе с Денататом римляне упоминали Гая Фабриция, который после того, как был консулом и цензором и дважды справлял триумф, умер в такой бедности, что сенату пришлось обеспечить его дочь приданым из государственной казны.

Крестьянские добродетели – неподкупная честность, трудолюбие, привязанность к родной земле, строгость нравов – не случайно получили в Риме значение всеобщего нравственного идеала. И так же не случайно, что римляне, в отличие от греков, никогда не поклонялись исключительным умственным способностям, никогда высоко не ставили независимую творческую личность и талант художника. Основой римского республиканского строя было включение крестьян в городскую общину как полноправных граждан. Победы, достигнутые плебсом в его борьбе за политические и экономические права, сделали Рим общиной крестьян. По крайней мере, таким он был в пору своей героической юности в IV-начале II вв. до н. э. Поэтому те нравственные качества, которые ценились простыми гражданами, признавала и аристократия, а с другой стороны, главные ценности римской знати – воинская доблесть, почет и слава – имели общенародное признание. Сравнивая ход своей истории с историей Греции, римляне подчеркивали, что величие Рима на протяжении столетий творили не отдельные герои, жаждавшие личной славы и восхвалений, но весь народ с его царями, магистратами, сенатом. Каждый гражданин вносил свой вклад в это величие и за самые большие подвиги не требовал иной награды, кроме заслуженной благодарности сограждан – почета, который был признанием доблести.

Сцены крестьянского труда

Могучая жизнестойкость римлян, их способность выстоять после любой катастрофы основывалась, помимо всего прочего, на единстве главных интересов знати и рядовых граж-

дан. Эти интересы совпадали прежде всего в отношении к войнам. Конечно, господствовавшая в Риме аристократия получала на войне не только славу и почести, но и прямые выгоды в виде новых земель, рабов, военной добычи. Военный успех считался наиболее достойным источником нового богатства. При этом, однако, в Римской республике знать делилась выгодами завоеваний с народной массой – и делилась гораздо полнее, чем в каком бы то ни было другом государстве. Почетные награды за доблесть, доля в добыче и, главное, наделение земель на завоеванной территории – все это оправдывало в глазах простых римлян тяжелую и опасную военную службу, которой они посвящали лучшие годы своей жизни. Без такой заинтересованности всех сограждан римское общество не могло бы выдерживать того огромного военного напряжения, когда на протяжении долгих десятилетий примерно каждый пятый римлянин ежегодно призывался в войско.

Крестьянской основой римского государства объясняется также и особая прочность, отличающая завоевания римлян от завоеваний других народов. Те территории, которые римляне приобретали в качестве солдат копьем и мечом, они вторично завоевывали и закрепляли за собой в качестве крестьян-собственников плугом. Колонии, выводившиеся римлянами на вновь приобретенных землях, не превращались, как это было у греков, в независимые общины с собственными законами и гражданством, но оставались маленькой копией и частицей Рима. Римские колонисты жили по римским законам и обычаям и, привязываясь к новой земле, при защите своей собственности рассчитывали на мощь всего римского государства и сами преданно служили ему. Кроме того, значительную часть земель римляне отбирали у покоренных общин и делали ее «общественным полем», т. е. собственностью римского государства. Большую часть этого «общественного поля» занимали, конечно, богачи, у которых были рабы, скот, инвентарь, необходимые для обработки обширных владений. Но и малоимущие граждане имели право получить участок на государственной земле и рассматривали ее как общее достояние республики, а себя – как ее владельцев, если не в настоящем, то в будущем. Об этом своем праве римские крестьяне часто заявляли в полный голос, и – именно потому, что они составляли основу римской армии – им удавалось добиваться у правящей знати более справедливого распределения завоеванных земель. В конце республиканского периода, когда в армии получили возможность служить неимущие пролетарии, земельный надел, выделенный из «общественного поля», а то и отобранный у крупного собственника, сделался главной наградой за военную службу.

Прочность римской власти в завоеванных областях – сначала в Италии, а потом и в других странах Средиземноморья и Западной Европы – обеспечивали также те города, которые вступали в союз с Римом и в награду за верную службу получали такие же права, какими пользовались римские граждане. Такие города, становившиеся как бы частью самого Рима, назывались **муниципиями** (от латинского слова *municipus* – «служба», «обязанность»). Они давали римскому государству отличных солдат и служили привлекательным примером для других римских союзников, которые понимали, что выгоднее получить от римлян гражданские права, чем пытаться избавиться от римской власти. Способность римлян поделить правами и землей с теми, кто им верно служил, и единство граждан-землевладельцев, сплоченных общими интересами, были важнейшими основами величия Рима.

В Древнем Риме, как и в других городах-государствах античного мира, свободным полноправным собственником мог быть только гражданин. И только государство могло обеспечить ему свободу и права, защиту закона и достойное признание его способностей и заслуг. Взамен государство требовало от граждан неукоснительного исполнения обязанностей и долга (прежде всего воинского), принесения личных интересов в жертву общим. Для римлян, особенно во времена Ранней республики, государство и «общая польза» стояли на первом месте. В своей жизни римляне стремились руководствоваться правилом, которое выражено в словах поэта Луцилия (II в. до н. э.): *«Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчизны. После –*

на пользе родных, а потом уж на собственной пользе». Сама свобода для римских граждан заключалась в уважении к законам и установлениям предков, к сенату и магистратам, к воинской дисциплине. Отдельный гражданин как бы сливался с общиной и даже поглощался ею. Он боготворил отечество и не мыслил своего существования вне его. Показательно, что изгнание из отечества всегда считалось в Риме тягчайшим наказанием, сравнимым со смертной казнью. Такое единство гражданина и государства питало гордый римский патриотизм. Каждый из граждан могущество и славу государства считал своим личным достоянием, которое переходило к его потомкам.

В свою очередь, гордость и любовь к родине были источником своеобразного мужества и сурового благородства римлян. Они сражались с неукротимой отвагой и твердостью потому, что были убеждены в своем превосходстве и считали, что проявить слабость – постыдно и недостойно величия Рима, что унижение хуже гибели, что поражение в открытом и честном бою предпочтительнее победы, добытой хитростью и коварством. В качестве примера можно еще раз вспомнить Гая Фабриция. Среди многих славных эпизодов его жизни античные авторы рассказывают и такую примечательную историю. Во время трудной войны с царем Пирром консулу Фабрицию доставили письмо от царского врача. Лекарь предлагал отравить своего хозяина ядом и тем самым избавить римлян от войны. Возмущенный таким вероломством, Фабриций сам написал Пирру и посоветовал ему остерегаться козней врача, заявив при этом: *«Мы же предупреждаем тебя не из расположения к тебе, но чтобы твоя гибель не навлекла на нас клевету, будто мы победили в войне хитростью, а не доблестью»*.

Кстати сказать, в силу этой же своей гордости римляне с презрением смотрели и на своих собственных солдат, попавших в плен. Даже после сокрушительного разгрома, который Ганнибал учинил римской армии в битве при Каннах, римские власти предпочли выкупить не пленных, хотя это и обошлось бы дешевле, но рабов, которых освободили, призвали в войско и вооружили на государственный счет.

Справедливости ради надо сказать также о том, что следствием гордого высокомерия римлян было их враждебно-настороженное и даже презрительное отношение к чужому. И это отношение сохранялось даже во II в.н. э., когда один римский поэт прямо заявлял: *«Презирай чужие нравы, много в них зазорного. Лучший в мире образ жизни – гражданина римского»*. Действительно, в Риме долгое время считалось неприличным для настоящего римлянина изучать греческую философию и увлекаться греческой литературой. Слова «грек» и «ученый» некоторыми римлянами употреблялись как ругательства. Конечно, со временем греческий язык и высокая греческая культура все больше проникали в жизнь римлян, в первую очередь знатных. Но в Ранней республике большинство граждан оставались невежами, которые, однако, умели сражаться и готовы были принять смерть без жалоб. Настоящему римлянину никогда было не понять, как греки могут ценить победу на Олимпийских играх выше, чем триумф полководца, а театральные представления предпочитать гладиаторским боям. Признавая культурное превосходство эллинов и многому у них научившись, римляне видели свое историческое призвание в том, чтобы властвовать. Эту идею, вдохновлявшую многие поколения римлян, лучше всех выразил великий римский поэт **Вергилий** (I в. до н. э.):

*Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучшие вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, – не спорю:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!*

Гордый патриотизм, твердость духа и мужество воспитывались в крестьянском труде и боевых походах, в народном собрании и сенате. Но основы того железного характера, который сделал римлян властелинами мира, закладывались в семье.

Римская семья коренным образом отличалась от греческой, прежде всего тем, что власть отца семейства над женой и детьми была полной и неограниченной. Сами римляне признавали, что едва ли еще есть какие-нибудь люди, которые имели бы над детьми своими такую же власть, как они. Глава семейства был вправе признать родившегося ребенка или отказаться от него. Пока жив был отец, даже взрослый сын и его дети не могли самостоятельно владеть и распоряжаться имуществом. Но, главное, глава семейства имел право подвергать своих домашних телесным наказаниям, продавать в рабство и даже казнить в случае серьезных преступлений. Сыну освободиться от отцовской власти было труднее, чем рабу получить свободу. Поэтому повиновение детей отцовской власти было непререкаемым. Но когда глава семейства умирал, сыновья получали такие же права, какие имел над ними отец. Так римские семейные порядки научали римлян двум важнейшим качествам, столь необходимым на войне, – умению беспрекословно подчиняться и твердо властвовать. Не приходится удивляться, что власть римского полководца над солдатами была столь же неограниченной, как и власть отца над детьми.

В истории Рима бывали случаи, когда власть магистрата и власть отца сливались воедино. Еще первый консул Римской республики, Юний Брут, после того как его сыновей уличили в заговоре с целью вернуть к власти свергнутого царя Тарквиния, приказал казнить их, а остальных заговорщиков передал на суд второго консула. Но более всего врезался в память римлян поступок консула 340 г. до н. э. Тита Манлия. Приняв командование римской армией во время войны с латинами, он прежде всего крутыми мерами принялся укреплять дисциплину и строжайше запретил вступать с врагом в отдельные стычки и поединки. Однажды один из конных отрядов, которым командовал сын Манлия, наткнулся во время разведки на вражеский дозор. Знатный латинянин, командовавший этим дозором, узнал сына римского консула. Видя, что римляне избегают боя, он вызвал младшего Манлия на поединок и начал издеваться над ним, упрекая в трусости. Тот не смог вынести насмешек и, вопреки запрету консула, схватился за оружие. Всадники ринулись друг на друга, римлянин сумел вонзить свое копьё между ушами коня противника. Взвившийся на дыбы конь сбросил всадника, и в тот самый момент, когда тот хотел подняться, Манлий пронзил его копьем с такой силой, что пригвоздил к земле. Сняв с поверженного врага доспехи, он поспешил в свой лагерь, окруженный радостным ликованием своих соратников.

Узнав, что произошло, консул собрал все войско на сходку и сказал: *«Раз уж ты, Тит Манлий, не почитая ни консульской власти, ни отчей, вопреки запрету, без приказа сразился с врагом и тем подорвал в войске послушание, на котором основывалось доньне римское государство, то этим поступком ты поставил меня перед выбором – или пренебречь интересами государства, или забыть о себе и своих близких. Но пусть лучше мы заплатимся за совершенное преступление, а не государство. Послужим же войску суровым, но поучительным примером на будущее. Правда, ты дорог мне как родной мой сын, дорога и проявленная тобой доблесть. Но надо либо смертью твоей скрепить священную власть консулов, либо подорвать ее навсегда, оставив тебя безнаказанным. Поэтому если в тебе есть хоть капля моей крови, ты сам не откажешься понести кару и восстановить дисциплину, нарушенную по твоей вине»*. С этими словами консул приказал ликторам привязать юношу к столбу и обезглавить. За этот поступок Манлий получил прозвище **Империз**, т. е. Властный. «Манлиев правож» на века стал для римлян образцом суровой власти отца и полководца, ставящей дисциплину выше любви к детям.

В римском обществе только власть обычаев и традиций была сильнее власти отцов и магистратов. Строгие нравы и установления предков всегда служили для римлян главным ориентиром, с которым они сверяли свои действия и в частной, и в государственной жизни. «Нра-

вами предков сильна и могуча республика римлян», – писал римский поэт Энний, и с этими словами мог согласиться любой римлянин.

При этом римляне верили, что издревле установившийся строй их государства и общества охраняется богами. По мнению римлян, тех, кто пытался отступить от древних обычаев и ввести что-то новое, боги беспощадно карали. И этой кары римляне боялись больше, чем суровости отцов и полководцев. На это обратил внимание еще греческий историк Полибий: *«То самое, что осуждается у других народов, именно богобоязнь, у римлян составляет основу государства. Оно у них облекается в столь грозные формы, и в такой мере проникает в частную и государственную жизнь, что невозможно идти дальше в этом отношении».* Не менее глубоко религия пронизывала и военные порядки и традиции римлян. Пожалуй, нигде связи войны и религии не были столь сильны, как в Риме. В этом убеждают очень многие важные факты. Их мы рассмотрим в следующей главе. А пока выделим самое главное из того, о чем шла речь на предыдущих страницах.

С самого начала своей истории Рим вынужден был воевать, чтобы выжить в окружении сильных соседей и обеспечить свое растущее население землей. Земледелие и война были основными занятиями римлян. Быть гражданином-землевладельцем значило быть и воином. В соответствии с военными задачами строили римляне свое государство и добивались его внутреннего единства, подчиняя частные интересы общим. В этом государстве власть должностных лиц была столь же велика, как и власть отца-домовладыки в семье. Но чтобы получить эту власть, подняться по ступеням государственной карьеры, надо было уметь подчиняться и превзойти других действительными заслугами. Качества, необходимые хорошему земледельцу и храброму воину ценились в первую очередь и составляли основу римского духа, как и привязанность к обычаям и традициям предков. При этом римляне, оставаясь верными старине, умели изменяться и находить выход в тех сложных ситуациях, которые часто возникали в их истории. Достигнутые победы вселяли в римлян гордый патриотизм и убеждали их в превосходстве над другими народами. А те трудности и поражения, которые приходилось преодолевать на пути к победам, закаляли римский характер и укрепляли волю к власти. Все наиболее ценные качества человека римляне определяли одним емким словом «доблесть». И если мы попытаемся одним словом определить сущность римского характера, то наиболее подходящим словом будет «суровость». Она включала в себя и строгую простоту нравов, и врожденное чувство дисциплины, и мужественное достоинство перед смертельной опасностью, и готовность, не рассуждая, пожертвовать всем ради отечества.

Глава II

Война и религия в Древнем Риме

Тот, кто внимательно прочитал предыдущую главу, очевидно, понял, что отношение римлян к войне изначально определяли два главных обстоятельства. Это, во-первых, крестьянская тяга к земле, а во-вторых, стремление аристократии к славе. Война рассматривалась римлянами как своеобразное продолжение крестьянского труда (и требовала, как мы видели, типично крестьянских качеств). С другой стороны, она была делом, в котором наиболее полно может проявиться истинная доблесть тех, кто хочет прославиться и занять высокое место в римском государстве. Вместе с тем, в римском отношении к войне очень многое останется непонятным, если не разобраться в самобытных религиозных верованиях и обычаях римлян.

Из всех государств древности, пожалуй, только в Древнем Риме война и завоевания не просто сделались важнейшей целью общества, но и считались делом, одобряемым и поддерживаемым богами. Уже в ранние времена Республики цензоры, обращаясь с молитвой к богам, призывали их способствовать не только процветанию, но и расширению римского государства. Сами римляне могущество и военные успехи своего государства объясняли тем особым расположением богов, которое римский народ заслужил своей исключительной набожностью. Это убеждение высказал в одной из своих речей Цицерон: *«Мы не превосходили ни испанцев своей численностью, ни галлов силой, ни пунийцев хитростью, ни греков искусствами; ни, наконец, даже итальянцев и латинов внутренним и врожденным чувством любви к родине, свойственным нашему племени и стране; но благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы превосходили все племена и народы».*

В чем же заключалось своеобразие римской религии? Какую роль религиозные представления и обряды играли на войне?

В отличие от греков, первоначально римляне не представляли своих богов в виде живых человекоподобных образов и не создали ярких мифов, рассказывающих об их происхождении и приключениях, о возникновении космоса и человека. Своеобразной мифологией римлянам служила их собственная героическая история, наполненная выдающимися деяниями во славу отечества. Долгое время в Риме образы божеств были неопределенны и их внешний облик был неизвестен, так что римляне обходились даже без статуй и других изображений своих богов. Зато божеств у римлян было неисчислимое количество. Обожеествлялись не только великие силы природы, но даже такие действия и состояния, как пахота, ограждение границ, первый крик ребенка, страх, стыд, бледность и т.д. Римские боги были одухотворением всевозможных земных явлений, и обитали они повсюду: в деревьях, камнях, в источниках и рощах, в домашнем очаге и амбаре. Особыми божествами считались и умершие предки. Кроме того, у каждого человека и каждой местности, селения, реки или источника имелся свой дух-покровитель – **гений**. Но при этом в римской религии, в отличие от многих религий Востока, не было ничего таинственного и сверхъестественного. Она не возбуждала в людях священного трепета. От богов римляне ждали не каких-то чудес, а помощи в конкретных делах. Чтобы получить эту помощь, нужно было только тщательно выполнить все установленные обряды и принести угодные богам жертвы. Если богослужение было совершено подобающим образом, то боги, по мнению римлян, просто обязаны были помочь. Отношения между ними и верующими имели чисто деловой, договорной характер. Совершая богослужение и жертвоприношение, римлянин как бы говорил божеству: «Я даю тебе, чтобы ты дал мне».

Однако правильное обращение к божеству оказывалось отнюдь не простым делом, так как и число самих богов, и количество ситуаций, когда требовалось их участие, было очень велико. И важно было правильно выбрать, к какому богу или богине, с какими словами и обря-

дами и в какой момент обратиться. Даже малая ошибка могла навлечь гнев богов, нарушить то, что римляне называли «мир с богами». Поэтому в жизни римского общества огромную роль играли сведущие в этих вопросах люди – **жрецы**, выступавшие хранителями божественных знаний и традиций. Жрецы объединялись в «товарищества» – **коллегии**, заведовавшие почитанием того или иного божества либо каким-то определенным видом священнодействий.

Среди жреческих коллегий наиболее важными были коллегии **понтификов, авгуров и гаруспиков**, а также те, что служили высшим богам Рима – Юпитеру и Марсу. Понтифики⁵ осуществляли высший надзор за богослужениями в Риме, составляли государственный календарь, определяли надлежащие дни для обращения к богам и проведения народных собраний. Авгуры – птицегадатели – выясняли и толковали волю богов по определенным знакам, или знамениям, которыми служили атмосферные явления, полет и поведение птиц или других животных. Гаруспики предсказывали будущее по внутренностям жертвенных животных (преимущественно по печени). «Наука» предсказаний, в основном заимствованная римлянами у этрусков, имела в Риме исключительно важное значение. Любое политическое, правительственное или военное решение предварялось проведением гаданий, результаты которых толковались авгурами и гаруспиками. Эти специалисты обязательно находились в свите полководца при войске. В каждом военном лагере римлян рядом с палаткой полководца выделялось специальное место для проведения птицегаданий – **авгурал**. Только при благополучном исходе гаданий считалось возможным вступить в битву, провести выборы на государственные должности или проголосовать закон в народном собрании.

⁵ **Понтифики** (мостостроители) – первоначально должны были наблюдать за постройкой моста через Тибр, имевшей исключительную важность в религиозном отношении.

Понтифик

Вера в знамения потому была так сильна в римском народе, что они рассматривались как язык, которым боги общаются с людьми, предупреждая о грядущих бедствиях или одобряя принятое решение. Не случайно римские историки добросовестно перечисляют в своих трудах всевозможные знамения и предсказания, говоря о них наравне с крупными событиями в государственной жизни. Правда, некоторые знамения, упомянутые в древних преданиях, уже античным писателям казались проявлением нелепых суеверий. Современному человеку тем более трудно понять, какая воля и каким образом могла быть выражена, например, в том факте, что мыши изгрызли золото в храме Юпитера, или в том, что в Сицилии бык заговорил человеческим голосом.

Авгур с курицей

Конечно, и среди римских магистратов находились люди, открыто пренебрегавшие знаками божественной воли. Но в исторических рассказах о таких – очень немногочисленных – случаях всегда назидательно подчеркивается, что всякое нарушение указаний богов неизбежно оборачивается губительными последствиями. Приведем несколько характерных примеров. Многие древние авторы рассказывают о консуле Клавдии Пульхре, который командовал римским флотом во время первой войны с Карфагеном. Когда накануне решающего сражения священные куры отказались клевать зерно, предвещая поражение, консул приказал выбросить их за борт, прибавив: «Не хотят есть – пускай напьются!», и дал сигнал к бою. И в этом сражении римляне потерпели сокрушительное поражение.

Другой пример относится ко Второй Пунической войне. Консул Гай Фламиний, как положено, совершал птицегадания со священными курами. Жрец, кормивший кур, видя, что у них нет аппетита, советовал перенести бой на другой день. Тогда Фламиний спросил его, а что он должен будет делать, если куры и тогда не станут клевать? Тот ответил: «Не трогаться с места». «Славное же это гадание, – заметил нетерпеливый консул, – если оно обрекает нас на бездействие и толкает в бой в зависимости от того, голодны или сыты куры». Затем Фламиний приказывает построиться в боевой порядок и следовать за ним. И тут оказалось, что знаменосец никак не может сдвинуть с места свое знамя, несмотря на то, что ему пришли на помощь многие. Фламиний, однако, пренебрег и этим. Стоит ли удивляться, что через три часа и войско его было разбито, и сам он погиб.

А вот о каком случае рассказывает древнегреческий писатель Плутарх. Когда в 223 г. до н. э. консулы Фламиний и Фурий двинулись с большим войском на галльское племя инсурбов, одна из рек в Италии потекла кровью, а в небе показалось три луны. Жрецы, наблюдавшие во время консульских выборов за полетом птиц, заявили, что провозглашение новых консу-

лов было неправильным и сопровождалось зловещими предзнаменованиями. Поэтому сенат немедленно отправил в лагерь письмо, призывающее консулов как можно скорее вернуться и сложить с себя власть, не предпринимая никаких действий против неприятеля. Однако Фламиний, получив это письмо, распечатал его лишь после того, как вступил в сражение и разбил врага. Когда же он с богатой добычей возвратился в Рим, народ не вышел ему навстречу и за то, что консул не подчинился посланию сената, едва не отказал ему в триумфе. Но сразу после триумфа оба консула были отрешены от власти. *«Вот до какой степени, – заключает Плутарх, – представляли римляне всякое дело на рассмотрение богов и даже при самых больших удачах не допускали ни малейшего пренебрежения к прорицаниям и другим обычаям, считая более полезным и важным для государства, чтобы их полководцы читали религию, нежели побеждали врага».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.